

Совет Безопасности

Distr.
GENERAL

S/1999/883
17 August 1999
RUSSIAN
ORIGINAL: ENGLISH

ПИСЬМО ВРЕМЕННОГО ПОВЕРЕННОГО В ДЕЛАХ ПОСТОЯННОГО
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА
ОБЪЕДИНЕННОЙ РЕСПУБЛИКИ ТАНЗАНИИ ПРИ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ
НАЦИЙ
ОТ 16 АВГУСТА 1999 ГОДА НА ИМЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ

Имею честь настоящим препроводить, в интересах справедливости и сбалансированности, текст заключительного выступления мвалиму Джалиуса Ньерере, выступающего в качестве содействующей стороны на бурундийских мирных переговорах (см. приложение), которое в определенной мере является темой письма Постоянного представителя Бурунди от 23 июля 1999 года на имя Председателя Совета Безопасности (S/1999/816).

Следует отметить, что, хотя содействующая сторона не выделила никого из участников переговоров, она явно разочарована отсутствием прогресса на пятом раунде переговоров в рамках комитетов.

Буду признателен Вам за распространение настоящего письма и приложения к нему в качестве документа Совета Безопасности.

Ричард Т. ДОГАНИ
Временный Поверенный в делах

Приложение

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ МВАЛИМУ ДЖУЛИУСА НЬЕРЕРЕ,
ВЫСТУПАЮЩЕГО
В КАЧЕСТВЕ СОДЕЙСТВУЮЩЕЙ СТОРОНЫ, НА ПОСЛЕДНЕМ ПЛЕНАРНОМ
ЗАСЕДАНИИ
ПЯТОГО РАУНДА ПЕРЕГОВОРОВ В РАМКАХ КОМИТЕТОВ 17 ИЮЛЯ 1999 ГОДА

Приветствую вас, поскольку мне известно, что вы продолжаете свою работу, а я уезжаю в Дар-эс-Салам. В прошлый раз перед отъездом я выразил большое удовлетворение той работой, которую мы проделали в ходе тогдашнего раунда. Атмосфера была хорошей и было проявлено очень серьезное отношение к процессу переговоров. Я выразил удовлетворение и надежду на то, что, когда мы встретимся вновь, вы сумеем создать такую же атмосферу и ускорить ход переговоров. Когда мы встретились две недели назад и я получил письменное предложение от правительства, я полагал, что теперь мы уж действительно будем способны вести переговоры.

Но сейчас с моей стороны было бы не совсем честно не выразить свое глубокое разочарование объемом проделанной работы. Эти две недели прошли впустую! Вы были весьма продуктивны, но продуктивны лишь в выпуске коммюнике и пресс-релизов, полных оскорблений. Атмосфера на переговорах полностью испорчена, а некоторые комитеты вообще не работали, поскольку ряд делегаций пытались заблокировать любой прогресс. На прошлой неделе, когда я уезжал в Алжир, я знал даже после первого дня, что есть определенные трудности, поскольку некоторые делегации решили использовать печальные акты насилия в Бурунди для бойкота переговоров.

Я полагал, что, выразив то, что беспокоит каждого из нас, мы продолжим работу. Когда я рассказывал о том, что происходит в Аруше, я говорил с огромным оптимизмом. Даже когда президент Буйоя спросил меня об этом, я сказал ему то же самое. Предлогом, который используется для оправдания этих потерянных двух недель, равно как и денег, времени и надежд, было продолжающееся насилие в Бурунди. Мы все согласились с тем, что, пока мы серьезно пытаемся вести переговоры, продолжение насилия является неприемлемым. Именно поэтому год назад мы настаивали на том, чтобы правительство и вооруженные группировки договорились прекратить военные действия на весь период переговоров. Этого не произошло, и здесь у меня возникают две проблемы. На этот раз я остановлюсь на этой теме более подробно с учетом путаницы и дезинформации вокруг вопроса о продолжающемся насилии и несоблюдении обязательства, которое вы взяли на себя. У нас есть проблема в отношении сторон, которые подписали соглашение о прекращении военных действий. Остающаяся проблема, которая существует вот уже целый год, заключается в том, что правительство и его союзники отказываются снять оговорки, которые они высказали при подписании заявления о прекращении военных действий. Это - первая проблема, проблема, касающаяся тех, кто подписал соглашение. Но у нас есть и вторая проблема, которая неуклонно возникает каждый раз, когда мы встречаемся. Эта проблема касается тех сторон, которые не стали участниками вышеуказанного соглашения, но представляют собой вооруженные группировки, и желательно, чтобы эти группировки также были представлены здесь, с тем чтобы они могли участвовать в переговорах. В особенности это касается лица, известного под именем Жан-Боско. Каждый раз, когда мы встречаемся, встает вопрос об этом самом Жан-Боско. Создается такое впечатление, что все хотят, чтобы Жан-Боско был здесь, кроме мвалиму. Это ложь! Я хочу, чтобы Жан-Боско был здесь. Но вы знаете, какая проблема существует в отношении Жан-Боско. Мы согласовали правила процедуры, и решение о том, кто участвует в этих переговорах, соответствует этим правилам. Только на основе этих правил можно договориться об участии любых дополнительных

сторон, которые не представлены здесь. Я пытался доказать необходимость участия наблюдателей, но у меня это не получилось.

Жан-Боско представляет группировку, отколовшуюся от Национального совета в защиту демократии (НСЗД). НСЗД является участником этих переговоров. Если приглашать Жан-Боско, то приглашать в качестве кого: в качестве члена НСЗД или как представителя отдельной группировки? Если он явится как член НСЗД, то это ко мне не имеет никакого отношения. Приглашение должно поступить от его руководителя Ньянгомы. Но они в ссоре между собой. Поэтому я сам выступил с рядом предложений о том, как мы можем добиться участия Жан-Боско. Во-первых, если он хочет явиться как член НСЗД, то он может помириться со своим руководителем Ньянгомой. Если он помирится со своим руководителем, то, разумеется, он может прийти. Он может быть членом делегации НСЗД. Если это невозможно, я предложил другой вариант. Если он хочет явиться как руководитель НСЗД, он должен заменить Ньянгому в соответствии с уставом НСЗД. Если он заменит Ньянгому в соответствии с их уставом, я, разумеется, приглашу его. Я приглашаю подлинного руководителя, избранного согласно их уставу. Мое третье предложение заключается в том, что если ни первый, ни второй варианты невозможны, то Жан-Боско может представлять свою собственную, отдельную группировку, не имеющую ничего общего с НСЗД. Я приглашу его, и, если Ньянгома или любая другая страна будет возражать, я спрошу о причинах их возражений. Я приглашу его, но мое приглашение не означает, что он будет автоматически принят. Его все равно нужно будет утвердить на пленарном заседании в соответствии с правилами процедуры. Но я выступлю с таким предложением. А если и это невозможно, то нужно задаться вопросом: почему? Четвертое предложение заключается в том, чтобы мы организовали дискретные переговоры между Жан-Боско и президентом Буйоей.

Однако вполне возможно, что Жан-Боско просто не хочет приезжать в Арушу. Сложился своеобразный ритуал. В настоящее время этот Жан-Боско является весьма важной фигурой. Я направляю послания, дабы вступить с ним в контакт, а он ведет себя как королева белых муравьев. С ним очень трудно связаться. Я пытаюсь использовать его брата, находящегося здесь, с тем чтобы установить с ним контакт. У меня это не получается. Этот молодой человек весьма важен. Он крайне важен, и, возможно, он действует разумно. Он может задаться вопросом: зачем мне ехать в Арушу?

Если он приедет в Арушу, то он будет просто номером 19. Он перестанет быть крайне важной фигурой. Я готов обговорить иной механизм его участия в этих переговорах. Я могу договориться о дискретных переговорах, что было сделано нами в отношении встречи между Буйоей и Ньянгомой.

Итак, в этом вопросе о Жан-Боско я пытался в качестве содействующей стороны выдвинуть все эти предложения, с тем чтобы способствовать его присутствию здесь: во-первых, примирение с Ньянгомой; во-вторых, замена Ньянгомы в соответствии с уставом НСЗД; в-третьих, участие как представителя его собственной группировки; и, в-четвертых, дискретные переговоры с президентом Буйоей. Тем не менее каждое из этих предложений было отвергнуто правительством Бурунди, а не Жан-Боско. И, невзирая на это, каждый раз, когда мы встречаемся, вы говорите: "Мвалиму, Вы должны пригласить его".

Все эти предложения были отвергнуты. Когда я в последний раз встречался с Буйоей и упомянул возможность организации дискретных переговоров, он сказал мне, что он будет говорить с Жан-Боско. Буйоя, докажите же мне, что Вы ведете с ним переговоры. А Вы (заместитель спикера Нзоибвами), поговорите с Вашим братом. Я не могу с ним связаться, а Вы разговариваете с ним, но при этом все равно возлагаете вину на содействующую сторону. Поскольку Вы продолжаете шуметь по этому поводу, выступите же сами с каким-нибудь

предложением о том, как мы можем добиться, чтобы Ваш брат Жан-Боско прибыл сюда. В качестве содействующей стороны я выдвинул все четыре указанных предложения, но ни одно из них не было принято. Так дайте же мне какие-то более хорошие предложения насчет того, как мы можем добиться участия этой группировки.

С учетом всего вышесказанного и принимая во внимание необходимость участия всех в этих переговорах и желательность добиться того, чтобы все участвовали в этих переговорах, я всегда подчеркиваю, что мы должны продолжать переговоры. Я не понимаю, как можно использовать отсутствие каких-либо группировок или продолжающееся насилие в качестве предлога для того, чтобы не вести эти переговоры. Мы собирались здесь с целью ведения переговоров о том, как нам найти путь обеспечения постоянного мира в Бурунди. Насилие действительно достойно сожаления, но использовать его как предлог для того, чтобы не вести переговоры – это безответственный подход. Это полное отсутствие чувства ответственности! Я по-прежнему настаиваю на том, что у нас нет никакой другой обязанности, кроме как со всей серьезностью вести переговоры. Мы потратили впустую эти две недели.

Поскольку мы приближаемся к концу нынешнего раунда, я провел консультации о следующем раунде и предлагаю, чтобы мы собирались здесь 6 сентября. Я надеюсь, что, когда мы встретимся, мы будем действительно серьезно вести переговоры. Если я смогу изыскать необходимые финансовые средства, я буду готов работать столько времени, сколько нам потребуется, чтобы завершить наши переговоры. Мы слишком досуже подходим к этим переговорам. Мы работаем уже целый год, но пока можем похвастаться лишь немногим. Если позволят финансовые средства, мы должны будем сесть и завершить нашу работу в комитетах. Тем временем, если какой-либо комитет захочет встретиться до 6 сентября, мы организуем такую встречу. В период до сентября я буду также проводить консультации, чтобы выяснить, как мы можем ускорить нашу работу. Я завершу это дело к тому времени, когда мы встретимся.
